

Михаил Делягин, директор Института проблем глобализации, д.э.н.

ЦЕННОСТНЫЙ КРИЗИС: ФОРМАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ НЕ РАБОТАЕТ

*На самом деле демократия –
наихудшая форма правления, если не
учитывать того факта, что другие
формы, которыми пользуются люди,
еще хуже*

(Уинстон Черчилль)

Удивительно, как быстро летит время.

Понятие демократии сохраняет всю свежесть концептуально нового энергичного призыва, перерабатывающего, обновляющего и возрождающего старый затхлый мир.

А ведь основные демократические институты были окончательно созданы более 200 лет назад - в XVIII веке - и с того времени лишь улучшаются и дорабатываются, оставаясь в своей основе принципиально неизменными. Между тем, вопреки многочисленным и авторитетным апологетам достижения современного им человечеством высшего совершенства – от Гегеля до Фукуямы - развитие человечества все же продолжается и, постепенно меняя требования к организации общественного управления, создает необходимость более глубоких изменений, чем те, к которым мы привыкли и которые считаем поэтому максимально возможными.

Эти изменения должны быть технологичными и, как минимум, обеспечивающими решение хотя бы основных проблем, с которыми уже столкнулась демократия в ее традиционном понимании и с которыми в своем нынешнем виде она, как убедительно показывает практика, в принципе не в состоянии справиться.

Не следует забывать о том, что демократия представляет собой главную мировоззренческую ценность современной западной цивилизации, наполняющее конкретным политическим смыслом фундаментальное понятие свободы и играющую поэтому ключевую роль во всем созданном Западом современном «мировом порядке». Условность и заведомая практическая недостижимость общепринятых и повсеместно распространенных представлений о демократии лишь подчеркивает ее колоссальную значимость как идеала, структурирующего стремлением к себе всю сумятицу и разнообразие современного мира.

Утрата подобным идеалом не только привлекательности, но даже и правдоподобия, потенциальной осуществимости

представляется одним из наиболее серьезных и угрожающих признаков приближающегося глобального кризиса.

Что такое демократия?

Эволюцию этого понятия (причем не только в нашей стране, но и во всем мире) неплохо иллюстрирует сопоставление двух энциклопедических определений.

«Народовластие, государственная форма, в которой верховная власть принадлежит всему народу» (Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона). «...Форма политической организации общества, основанная на признании народа в качестве источника власти, на его праве участвовать в решении государственных дел и наделении граждан достаточно широким кругом прав и свобод» (Большая Советская энциклопедия).

Изменение смысла, вкладываемого в один из наиболее популярных терминов современности, весьма показательны. За долгие годы (в том числе и Советской власти) пройден непростой путь от прямого указания на непосредственную принадлежность власти всему народу к признанию этого народа всего лишь в качестве «источника» власти, который имеет право лишь «участвовать» в государственном управлении (а не определять его характер). При этом народ отнюдь не обладает по самой своей природе, но лишь «наделяется» - по смыслу слова, государством – «достаточно широкими» (а отнюдь не необходимыми или, упаси боже, неотъемлемыми) правами и свободами.

Сужение понятия демократии и плавный дрейф вкладываемого в него смысла от ценностного к технологическому ярко иллюстрирует наличие в современной практике неявного разделения двух принципиально различных пониманий демократии.

Первое понимание носит содержательный характер и акцентирует цель общественного развития. В соответствии с ним, демократия представляет собой общественное устройство, при котором управляющая система в наиболее полной степени учитывает мнения и интересы управляемых.

Второе же понимание является формально-институциональным, концентрирующим внимание на средствах, а не на целях развития общества. В соответствии с ним, демократия сводится к простой совокупности формальных (и потому поддающихся измерению, что очень удобно для выставления разнообразных оценок) институтов: разделения властей, независимого суда, парламента, выборов, свободы слова и ряда других.

Принципиально важно, что демократия как цель примерно соответствует демократии как стандартному комплексу средств лишь в условиях наиболее развитых западных обществ. В остальных демократическое содержание общественного устройства может быть обеспечено лишь иными, формально (то есть с западной точки зрения) недемократическими инструментами.

Именно поэтому искусственное внедрение демократических институтов в относительно неразвитые (или незападные по своему цивилизационному типу) общества, как правило, ведет не к «построению демократии», но к ее разнообразным и разрушительным извращениям. Классическим примером служат исламские страны, «демократизация» которых Западом вела к приходу к власти либо религиозных фундаменталистов, либо жестоких тиранов; весьма убедительной иллюстрацией разрушительности «экспорта демократии» является и Россия 90-х годов прошлого века.

Размывание государства

Непосредственная причина подрыва демократии в ходе глобализации заключается прежде всего в отмеченном едва ли не всеми рассматривавшими этот вопрос исследователями ослаблении, своего рода размывании государства, являющегося несущей конструкцией и опорой современных демократий.

«Информационные, финансовые и иные процессы, связанные с глобализацией, сокращают возможности национальных правительств по контролю внутривнутриполитической ситуации и управлению ею. Отдельные государства, находясь под усиливающимся воздействием ситуации на мировом рынке, теряют суверенитет над национальной экономикой... Выходят из-под контроля информационные потоки. Многие функции, ранее выполнявшиеся правительствами, переходят к транснациональным корпорациям, институтам гражданского общества. Национальные и международные неправительственные организации... оказывают растущее влияние на общественное мнение, формирование политики, выработку законов, сами выполняют функции социальной защиты и даже принимают участие в деятельности комитетов и комиссий ООН. Правительства частично утрачивают монополию на реализацию властных полномочий. Власть растекается»¹.

Традиционные властные полномочия государства буквально вырываются у него как наднациональными, так и внутренними

¹ Доклад Совета по внешней и оборонной политике «Россия и процессы глобализации: что делать?» М., 2001.

структурами, в сфере как международных отношений, так и внутренней политики. При этом, например, глобальные СМИ и многие неправительственные организации ограничивают влияние всякого государства на жизнь создавшего его общества, так как являются непосредственным инструментом формирования глобального, международного общественного мнения и «моральных стандартов», неизбежно навязываемых государствам – тем эффективнее, чем более слабым то или иное государство является.

Глобализация ограничивает роль государств не только «сверху», но и «снизу», укреплением и прямым выходом на международную арену отдельных элементов общества. Как правило, это те же самые структуры (кроме изначально межгосударственных), которые ограничивают государство «сверху», но на более раннем этапе своего развития, когда они еще не стали полностью международными и не утратили своего национального «лица».

Помимо корпораций, превращающихся в транснациональные, значительную роль начинают играть регионы, причем увеличивают влияние как наиболее, так и наименее развитые экономически территории. Первые приобретают определенную автономию в обмен на политическую лояльность и согласие на перераспределение их средств в пользу вторых, а вторые – получая некоторую самостоятельность в международных контактах в качестве дополнительного инструмента саморазвития², в обмен на относительное уменьшение прямой поддержки со стороны государства.

Главным источником влияния структурных элементов общества, позволяющим им подниматься до уровня государства и вступать с ним в диалог, становится их выход на международную арену и **привлечение на свою сторону глобальных сил.**

Привлекая для взаимодействия с государством внешние силы, соответствующие элементы общества неминуемо становятся проводниками их интересов. Как правило, здесь нет никакого злого умысла, это абсолютно естественный и стихийный процесс – своего рода плата за поддержку, которую элементы того или иного общества оказывают внешним силам, на которые они опираются в диалоге (или противостоянии) с государственными структурами.

Однако этот естественный процесс создает потенциальную и достаточно часто реализующуюся угрозу. Так как современный мир лишь в минимальной степени может быть признан идеалистичным,

² К этой категории относятся многочисленные «внутренние» оффшоры, прежде всего в США и Великобритании, а также территории, на которые разрешены специфические виды деятельности (например, индейские резервации, в которых, как и в построенном посреди пустыни Лас-Вегасе, разрешены азартные игры).

внешние силы оказывают поддержку тем или иным общественным элементам в их диалоге с государством лишь в обмен на продвижение теми их собственных интересов. В большинстве случаев эти интересы не совпадают с интересами соответствующих обществ, так как иначе они реализуются этим обществом самостоятельно, и потребность в их специальном продвижении при нормальном функционировании общественных механизмов просто не может возникнуть.

В результате общественные структуры, опирающиеся на внешние силы, вне зависимости от своего желания, по вполне объективным причинам становятся проводником их интересов.

Так, развитые страны используют глобальные и национальные сети для навязывания своих стандартов менее развитым обществам. Эти стандарты, вызревшие в иных условиях, в лучшем случае непосильны для указанных обществ и часто не только не соответствуют их условиям, но и прямо подрывают и культурные, и материальные основы их конкурентоспособности, а то и самой жизни.

Таким образом, снижение роли государства в ходе глобализации, ограничивая влияние общества на реально осуществляемую политику и на свое собственное развитие, способствует навязыванию этому обществу внешних, глубоко чуждых, а часто и прямо враждебных ему интересов, мотиваций и практических действий.

Общественная элита: прорыв в никуда

Главное в глобализации – изменение предмета труда. Информационные технологии сделали наиболее прибыльным и потому массовым бизнесом преобразование живого человеческого сознания – как индивидуального, так и коллективного.

Строго говоря, само по себе это не новость. На некоммерческой основе технологии формирования сознания применяются в виде пропаганды большинством государств мира, в том числе и отнюдь не тоталитарными, и подавляющим большинством религий почти на всем протяжении их существования. Однако информационные технологии впервые удешевили и упростили технологии формирования сознания до такой степени, что они стали практически общедоступны и начали окупаться в кратко-, а не долгосрочном плане.

В результате изменением нашего сознания занимается не национальное и даже не порожденное конспирологически воспаленным воображением зловещее «мировое» правительство, а каждый фабрикант собачьих консервов. Тот, кто не делает это или

делает это недостаточно эффективно, давно – самое позднее десять лет назад - вытеснен из бизнеса, в котором нечего делать без PR-технологий: в отличие от традиционного маркетинга, они приспособливают не товар к предпочтениям людей, а, напротив, людей – к уже имеющемуся товару.

Превращение в наиболее эффективный и потому повсеместно распространенный бизнес формирования сознания - это подлинная революция. Она кардинально повышает эффективность производства, качественно меняет международные взаимоотношения и мировую конкуренцию. Однако целиком ее последствия еще не осознаны, и нет уверенности, что они могут быть осознаны вообще, так как главным объектом преобразовательной деятельности человечества становится сам инструмент этого осознания – как коллективного, так и индивидуального.

Естественно, даже начало столь грандиозного качественного перехода не могло обойтись без комплекса разноуровневых, но взаимоувязанных кризисов, среди которых важное место занимает подрыв традиционной демократии.

Для формирования сознания общества по чисто технологическим причинам нет нужды преобразовывать сознание всего населения. Достаточным оказывается значительно более простой и менее затратный вариант: добиваться нужного поведения общества воздействием не на все его слои, но лишь на элиту (то есть часть общества, участвующую в принятии значимых для него решений, в формировании его сознания или же являющаяся примером для массового подражания).

Длительные, концентрированные и в каждом отдельном случае целенаправленные усилия по формированию сознания изменяют сознание элиты значительно более быстро, чем сознание общества в целом, и при том – совершенно особым, специфическим образом. В результате оно постепенно начинает коренным образом отличаться от сознания основной части общества.

В ситуации, когда способ мышления и мировоззрение элиты весьма существенно отличаются от наиболее распространенных в обществе, элита **отрывается от него и тем самым утрачивает не просто свою эффективность, но и свою общественно полезную функцию, которая, собственно говоря, и делает ее элитой, и оправдывает ее существование.** Подвергнувшаяся форсированной перестройке сознания элита по-другому, чем возглавляемое и ведомое ею общество, мыслит, исповедует иные ценности, по-другому воспринимает окружающий мир и совершенно иначе реагирует на него.

Это уничтожает сам смысл демократии (лишая оправдания в том числе и существование формально демократических институтов), так как идеи и представления, рождаемые обществом, уже не диффундируют наверх по капиллярам социальных систем, но просто не воспринимаются элитой и, соответственно, перестают влиять на общественное развитие непосредственно, через изменение поведения этой управляющей системы. В результате потенциал демократии съезживается до совершенно незначительных размеров самой элиты.

До момента коренного преобразования сознания элиты мы видим на довольно многочисленных исторических примерах (как в России, так и в других странах), что относительная эффективность системы управления способна на ограниченные промежутки времени во многом компенсировать слабость или даже отсутствие традиционных демократических институтов.

Измененное сознание элиты заставляет ее и руководимое ею общество вкладывать совершенно иной смысл в те же самые слова и делать самые различные, порою прямо противоположные выводы из одних и тех же сочетаний фактов. Современный руководитель информатизированной системы управления просто не воспримет слова обычного человека. Он может повстречаться с «ходоками», как Ленин, может даже пойти «в народ», - но не чтобы что-то понять или прочувствовать самому, а лишь чтобы улучшить свой имидж среди элиты, укрепить популярность в глазах того же народа и поддержать рейтинг – политический аналог рыночной капитализации.

Это достойная, но совершенно недостаточная для всякого разумного и ответственного руководителя цель.

Таким образом, в условиях широкого применения управляющими системами технологий формирования сознания элита и общество, используя одни и те же слова, вкладывают в них разный смысл. Они в прямом смысле слова «говорят на разных языках»: обладают разными системами ценностей и преследуют не воспринимаемые друг другом цели. Они могут дружить, обогащать и поддерживать друг друга, могут вводить друг друга в заблуждение и даже враждовать, но утрачивают способность к главному – к взаимопониманию. Как когда-то писал Дизраэли по несколько иному поводу (о бедных и богатых), в стране в прямом смысле это слова возникают «две нации».

Эта утрата взаимного понимания и разрушает демократию, подменяя ее хаотической пропагандой, перманентной информационной войной разной степени интенсивности, которую ведут друг с другом наиболее значимые политико-экономические

силы. «Мирное время отличается от войны тем, что враги одеты в твою форму».

И общественное сознание – не только цель, но и поле боя.

Разрыв между сознанием общества и элиты усугубляет то, что в информатизированном обществе, то есть обществе, в котором технологии формирования сознания применяются широко, критически значимым влиянием обладает значительно более узкий круг лиц, чем в традиционном, до-информационном обществе (хотя сама элита вследствие фрагментации общества и свободы коммуникаций может быть и шире). Это вызвано прежде всего технологическими причинами: одновременной небывалой мобильностью и концентрацией ресурсов. Классическим пример - современный глобальный фондовый рынок: изменение сознания буквально сотни его ключевых игроков (или даже их представителей на бирже) способно коренным образом изменить всю финансовую ситуацию в мире.

В результате происходит раздробление сознания самой элиты: каждая ее профессиональная часть, естественным образом воспринимая мир прежде всего через призму «профильных» проблем, подвергается своей собственной, особой перестройке сознания, что отрывает ее не только от общества в целом, но и от других частей элиты. Дробление элиты делает невозможной даже «внутри-элитарную» демократию и поддерживает постоянные противоречия не только между элитой и обществом, но и внутри нее самой.

Конечно, эти противоречия можно рассматривать как фактор адаптивности общества, обеспечивающий его гибкость: при возникновении новых проблем недовольные группы элиты могут натравить общество на управляющую систему и, изменив ее, обеспечить приспособление общества к новым реалиям.

Однако такая гибкость обходится, насколько можно понять, неприемлемо дорого, ибо обеспечивается за счет постоянного поддержания (а то и накопления) внутренней напряженности в обществе и в элите по принципу «все против всех». Сохраняющееся непонимание между обществом и фрагментами элиты (в том числе и теми, которые пытаются им манипулировать) делают вероятным последствием любого резкого движения в политической плоскости выход ситуации из-под контроля.

Таким образом, вырождение демократии лишает общество важнейшего «встроенного стабилизатора», примитивизирует его внутреннее устройство и делает его угрожающе нестабильным.

Проблема «внешнего управления»

Одна из наиболее очевидных проблем современного мира, уже затронутая выше, заключается в том, что стандартные демократические институты призваны обеспечивать (и в целом действительно достаточно успешно обеспечивают, как показывает практика) власть и контроль над государством наиболее влиятельной общественной силе. Беда в том, что по мере развития глобализации и все большего упрощения трансграничных коммуникаций относительно слабые страны все чаще сталкиваются с ситуацией, когда наиболее влиятельными в их обществах оказываются внешние для них силы – будь то иные государства или глобальные корпорации. В результате они вполне демократически, а порой и незаметно для самих себя попадают в ситуацию «внешнего управления».

Аналитики и философы развитых стран по вполне понятным патриотическим (а порой и корыстным) причинам привыкли акцентировать внимание на возможность совпадения интересов структур, осуществляющих «внешнее управление», с интересами того или иного общества, и ограничивать рассмотрение проблемы исключительно данной возможностью.

Между тем не вызывает практически никаких сомнений, что не только более распространенной, но и более естественной ситуацией является несовпадение указанных интересов, а в ряде случаев и их прямая противоположность.

Прежде всего, дисбаланс интересов может вызываться естественным влиянием глобальной конкуренции, то есть стремлением структур, осуществляющих внешнее управление, подавить своих конкурентов из управляемых ими стран или даже не дать им появиться в принципе. Однако не менее важной и при том значительно более фундаментальной причиной представляется органическое отсутствие у осуществляющих «внешнее управление» структур каких-либо обязательств, в том числе социальных и экологических, перед населением управляемых ими стран. В самом деле: государства отвечают перед своими, а не чужими гражданами, корпорации – перед своими акционерами, а глобальные сети, как будет показано ниже, - и вовсе лишь перед своими непосредственными членами.

Весьма значимым является и полное либо почти полное отсутствие координации между структурами, осуществляющими «внешнее управление», - а оно в силу слабости управляемых объектов достаточно редко монополизировано какой-либо одной структурой. В результате ряд осуществляемых независимо друг от друга воздействий, даже если каждое из которых по отдельности является безобидным или даже полезным, в своем случайно

возникающем сочетании или последовательности может оказаться разрушительным для управляемого общества.

Классическим примером может служить воздействие на слабые страны с неустойчивой экономикой МВФ и Мирового банка – при том, что их усилия обычно координируются, и проблема заключается не в полном отсутствии, а всего лишь в недостаточности согласованности.

С одной стороны, МВФ в соответствии со своими стандартными рекомендациями пытается обеспечить макроэкономическую стабилизацию мерами, исключающими сколь-нибудь масштабное и устойчивое развитие на основе собственного экономического потенциала слабого общества и в итоге, как правило, делающими достигнутую стабилизацию заведомо неустойчивой.

С другой стороны, Мировой банк, периодически отчаиваясь дождаться устойчивой и прочной макроэкономической стабилизации (которая, по стандартной экономической теории, является необходимой предпосылкой для оказания заметной помощи развитию), начинает стимулировать экономическое развитие или просто решение наиболее острых социально-экономических проблем (от эпидемий туберкулеза до разрушения инфраструктуры и отсутствия квалифицированно подготовленных законов) своими кредитами, которые в условиях макроэкономической (а значит, и политической) нестабильности в значительной степени разворовываются либо, в лучшем случае, тратятся неэффективно, развивая и укрепляя если не прямо коррупцию, то неэффективное устройство государственного управления.

Как представляется, именно органической безответственностью «внешнего управления» и была в первую очередь вызвана стремительная актуализация после распада Советского Союза и разрушения существовавшей в рамках биполярного противостояния системы «сдержек и противовесов» трагического феномена «упавших государств». (Существенно, что поначалу этот термин порой сторжача переводился на русский язык брутальным, но более внятным и дающим более полное представление о сути и последствиях явления словосочетанием «конченные страны»).

Безответственность глобальных управляющих сетей

Вполне естественное отсутствие ответственности по отношению к «чужим» для государств и глобальных корпораций управляемым объектам гармонично дополняется в условиях

глобализации весьма существенным изменением самого субъекта управления.

Государства и глобальные корпорации как субъекты международной, в том числе международной экономической политики все в большей степени уступают свою ведущую роль разнообразным глобальным сетям, как правило, носящим хотя и весьма устойчивый, но тем не менее неформализованный характер.

Указанные сети создаются «сращиванием», как говорили в старину, элементов государственного управления – как собственно политического, так и связанного со специальными службами, - и бизнеса, как глобального, так и национального, причем различные элементы указанных сетей базируются в различных странах.

Надо отметить, что управляющие сети такого рода существовали почти всегда, однако драматической и пугающей новостью последних лет стало постепенное освобождение, эмансипация их от интересов ранее доминировавших в них национальных государств и переориентация таких сетей на реализацию преимущественно собственных интересов, отличных от интересов указанных государств.

Принципиально важно, что речь не идет о контроле глобальных сетей за относительно слабыми государствами и даже странами, осуществляемым в интересах относительно сильных государств, доминирующих в данных сетях. Управляющие сети, возникающие в относительно слабых странах, традиционно в значительной степени были инструментами влияния на них более сильных государств, примерами этого полна мировая история; в нашей стране ярчайшим примером можно считать даже Великую Октябрьскую Социалистическую революцию и гражданскую войну, рассматриваемые многими исследователями в том числе и через призму борьбы англо-французского и немецкого влияния на Россию.

Однако в настоящее время ситуация весьма существенно меняется. На современном этапе развития глобальные сети, по крайней мере, на Западе все в большей степени освобождаются от контроля государств как таковых и начинают хаотически манипулировать ими или же их отдельными элементами в своих собственных, остающихся не оглашаемыми, а зачастую и вообще не устанавливаемыми формально, интересах.

Довольно внятным примером этой парадоксальной ситуации, когда хвост в полном соответствии с названием культового в профессиональной среде фильма «начинает вилять собакой», представляется самое сильное государство современного мира – США.

В последние годы создается устойчивое впечатление, что сформированные им глобальные сети, связанные с исламским миром, и в первую очередь Саудовской Аравией, все больше действуют в своих собственных интересах, весьма слабо связанных с национальными интересами самих США. При этом данные сети достаточно эффективно манипулируют остальной частью американского государства, не говоря уже о подверженном внушению интеллектуально и эмоционально незрелом американском обществе. Существенно, что глобальные сети не могут целиком подчинить себе не входящую в них часть американского государства, однако внутреннее столкновение интересов в нем обеспечивает дезорганизацию государственного управления как такового и представляется ключевой причиной нынешних как внешне-, так и внутривнутриполитических сложностей США.

Исключительно важно, что, эмансипируясь, отделяясь от некогда создававших их или же участвовавших в их создании государств, глобальные сети больше ни перед кем не отвечают за последствия своей деятельности даже для стран своего «базирования», даже для государств, которыми они создавались и которые они еще недавно считали «своими».

Принципиальное отличие глобальных сетей как субъекта управления от государства заключается не столько даже в их неформализованности и «расплывчатости», сколько в имманентном отсутствии у них ответственности перед каким бы то ни было обществом. Даже не демократичное по своему устройству государство поневоле, объективно заинтересовано в стабильности и гражданском мире в своей стране, а сетям, рассматривающим эту страну извне, «со стороны» глобального мироустройства и представляющих собой объединение «новых кочевников» (по классическому определению Ж.Аттали), это просто не интересно. Им нужен рост совокупного влияния и прибыли своих участников (и то, как правило, не всех, а лишь ключевых), а этих целей гораздо проще достичь не в стабильной, а в дестабилизированной ситуации, «ловя рыбку в мутной воде» кризисов, в том числе и специально созданных или, как минимум, инициированных ими самими.

Таким образом, создавая глобальные сети и в последующем упуская из своих рук в их важные полномочия в сфере общественного управления, национальные государства, даже исключительно сильные и эффективные, сами создают для себя субъект «внешнего управления», пренебрегающий их интересами, как это было показано в предыдущем разделе.

Представляется исключительно интересным и значимым, в том числе и с философской точки зрения, что это освобождение от ответственности не проходит даром и для самих глобальных сетей. Их освобождение, отделение от государства лишает их возможности в полной мере использовать его возможности по стратегическому планированию (от анализа до корректировки внешних процессов), что драматически снижает эффективность не только манипулируемого ими государства, но и их собственной деятельности.

Классическим примером представляется операция по свержению режима Саддама Хусейна, которая привела к достижению лишь локальной цели – поддержанию мировых цен на нефть на высоком уровне, выгодном нефтяным корпорациям США (и связанной с ними республиканской партии), а также Саудовской Аравии. Стратегическая задача американской части глобальной сети – контроль за иракскими недрами с возможностью их неконтролируемого и единоличного (или, в крайнем случае, совместно с Великобританией) использования – была блистательно провалена. Более того: репутация США понесла невосполнимые потери, а представители глобальной сети в США («неоконсерваторы») не просто были дискредитированы, но и, по всей вероятности, утратят власть в 2008 году. Учитывая современный уровень демократической партии, с одной стороны, и рост глобальной конкурентоспособности крепнущего Китая, с другой, это может привести к ослаблению США до уровня, наблюдавшегося в постниксоновский период – в президентства Форда и Картера, и подрыву всего опирающегося на их глобальное доминирование мирового порядка.

Другая часть глобальной сети – представители элиты Саудовской Аравии – тоже не достигли стратегического улучшения своего положения. Вместо «приза» они получили в качестве «головной боли» резкое усиление своего ключевого соперника – Ирана, избавившегося от сдерживающего фактора в лице режима Хусейна. При этом ослабление США (если быть точным, их административно-управленческое и интеллектуальное истощение) в результате их погружения в трясину иракской войны крайне затруднило, если вообще не сделало невозможным (или, по крайней мере, контрпродуктивным) не только прямой военный удар по Ирану, но и его успешное стратегическое сдерживание.

Кровавый хаос в Ираке создал многочисленные дополнительные проблемы и помимо возникновения предпосылок для перехода его основной части под контроль Ирана. Так, Турция получила призрак курдского государства, существующего де-факто

и неизбежно подлежащего оформлению де-юре в ближайшее десятилетие. Но главное – произошла (в том числе и из-за свержения одного из светских режимов в исламских странах) общая глобальная радикализация ислама, что проявилось прежде всего в обострении ситуации на Ближнем и Среднем Востоке.

Наиболее болезненным «эхом» иракского провала США стало ухудшение военного положения НАТО в Афганистане. Наступление талибов постепенно развивается и, по имеющимся предельно оптимистичным оценкам американских военных, в течение ближайших нескольких лет талибы даже при максимально возможных усилиях США смогут восстановить свой контроль за основной частью Афганистана.

При этом представляется весьма существенным неустойчивость светского режима Мушаррафа в Пакистане. Некоторые прилегающие к Афганистану районы Пакистана уже несколько лет контролируются талибами и объявили о создании независимого государства. После закрепления талибов в Афганистане свержение Мушаррафа, расширение государства Талибана на часть территории Пакистана и возникновение в центральной части последнего еще одного исламского государства станет вполне реальной угрозой. При этом не вызывает сомнений, что патриотически и националистически настроенные военные не позволят эвакуировать из Пакистана имеющееся у него ядерное оружие и средства его доставки, что качественно повысит угрозу его применения.

* * *

Таким образом, в результате перехода части реальных властных полномочий к глобальным сетям ставшая уже привычной и само собой очевидной для США концепция «экспорта управляемых кризисов» незаметно для них самих перерождается по сути дела в концепцию «экспорта неуправляемых кризисов». Такое развитие событий также подрывает глобальную устойчивость и существенно повышает совокупные риски мирового развития.

Сетевые войны требуют ограничения транспарентности

Наконец, существенную проблему для демократии в ее современном западном понимании порождает изменение характера войн, которые во все большей степени ведутся не с государствами, но с сетевыми структурами. Это вызвано меняющимся характером современной глобальной конкуренции, которая во все большей степени становится межцивилизационной.

Сегодня уже практически не вызывает сомнения, что глобальные монополии, лишившиеся после уничтожения Советского

Союза сдерживающей силы в виде биполярного противостояния двух систем, в ходе стихийной и хаотической погони за наживой создали мировой порядок, лишаящий две трети человечества возможности нормального развития и потому отличающийся крайней неустойчивостью. Зарождение же и проявление новой глобальной силы, сдерживающей их саморазрушающий произвол, представляется в этих условиях вопросом лишь времени и новых болезненных кризисов.

Весьма интересен с этой точки зрения подход американского политолога Н.Злобина, рассматривающего гражданское общество как основную силу, сдерживающую современное государство и именно за счет этого сдерживания обеспечивающую стабильность общества. Опираясь на ставшие в последние годы традиционными представления о том, что в современном глобализированном мире страны и группы стран занимают роль основных структурных элементов привычного нам общества: есть страны-банкиры, страны-пролетарии, страны-менеджеры, страны-люмпены и так далее, - Н.Злобин высказал кощунственную с точки зрения традиционной внешнеполитической религии Запада, но исключительно много обещающую с практической точки зрения мысль. С его точки зрения международный терроризм в его современном виде можно рассматривать как стихийное, еще далеко не полностью оформившееся и в силу этого пока еще неизбежно уродливое проявление нарождающегося глобального гражданского общества. Как и в случае традиционного, не над- а внутринационального общественного устройства, это глобальное гражданское общество объективно призвано сдерживать глобальное государство, в роли которого выступают США как персонификация коллективного Запада.

Столкновение с гражданским обществом, пусть даже глобальным, неминуемо приобретает для традиционного государства характер комплексного, многоуровневого взаимодействия с сетевыми структурами, в основном самодеятельными, сплетение которых и составляет это гражданское общество. Войны с ним, неизбежные в силу современного состояния развитых стран Запада и неразвитых двух третей человечества, поэтому неизбежно становятся войнами с сетевыми структурами, глубоко интегрированными в общество. Такие войны объективно, по чисто технологическим причинам требуют непубличных, не подлежащих огласке действий – от тайных переговоров до тайных убийств (предельным выражением последних являлась операция «Феникс», заключающаяся в массовом уничтожении американцами и обученными ими спецслужбами Южного Вьетнама функционеров

партизанского движения; эффективность этой операции оценивалась северовьетнамскими военными исключительно высоко). Понятно, - и это наглядно подтвердила недавняя война Израиля против Ливана, - что традиционное демократическое правительство, работающее чуть ли не «под телекамеру», не может осуществлять подобные действия просто технологически.

Таким образом, сетевые войны объективно требуют ограничения демократии в виде ее формальных, созданных Западом институтов. Однако не следует забывать, что подобное ограничение возможно лишь при условии высокой идеологизации общества или хотя бы его элиты, так как иначе ограничение демократических инструментов неизбежно ведет к коррупции и разложению всей системы общественного управления.

Основная проблема заключается в том, что современная западная демократия (за исключением американской и, в меньшей степени, английской) не терпит идеологизации и последовательно и целенаправленно уничтожает ее, выбивая тем самым почву из-под своих собственных ног!

Как превратить «шаг назад» в продвижение вперед?

Таким образом, демократия сама по себе, и особенно демократия в ее современном западном понимании испытывает жестокий кризис. Ее внутреннее устройство в целом перестало соответствовать объективным требованиям глобализации и уже не способно «автоматически» решать порождаемые ею проблемы, - а ведь именно в этом и заключалась на протяжении нескольких последних столетий историческая сила демократии.

Основное направление противодействия описанным выше проблемам, так сказать, «ремонта демократии своими средствами и на скорую руку», представляется самоочевидным. Это укрепление государственности в ее традиционном понимании, восстановление и реабилитация в глобальном сознании понятия «суверенитет» и особенно «суверенитет народа», понимаемого как «население той или иной страны, объединенное общей культурой». Существенно также восстановление международного права в том виде, в котором оно существовало до 1999 года (когда нападение США и их союзников по НАТО на Югославию заменило традиционное международное право «правом силы»). Принципиально важным представляется и возврат к национально ориентированной системе ценностей от глобальной системы ценностей, которая, если и возможна в принципе (так как обычно она подменяется системой ценностей США или же Евросоюза), то, во всяком случае, саморазрушается.

Наиболее развитым странам мира, столетиями считавшими себя светочем цивилизации, ради поддержания хотя бы относительной глобальной стабильности необходимо осознать, что они слишком далеко и слишком корыстным образом забежали вперед в деле объединения мира и теперь ради его спасения просто обязаны сделать шаг назад.

Необходим установленный в явной и открытой форме приоритет коллективной безопасности над демократией и правами человека в западном понимании этих терминов, отказ от крестового похода за демократизацию и признание за каждым обществом права жить по своим собственным законам и обычаям. Пора признать, что источником законной власти в каждом обществе является все же исключительно его народ со всеми его предрассудками и недостатками, а отнюдь не меняющаяся раз в несколько лет администрация Соединенных Штатов Америки. Тем более не является источником легитимной власти в формально независимых государствах и «агрессивно-послушное», как говорили про большинство последнего советского Съезда народных депутатов, «моральное большинство» западного мира, конституированное (да еще во многом и в коммерческих целях) *CNN* и еще несколькими глобальными средствами массовой информации.

Потребность в этой консервативной, традиционалистской контрреволюции очевидна, однако сама ее возможность остается совершенно не ясной. Она слишком явно противоречит сегодняшним интересам наиболее влиятельных и эффективных субъектов глобальной политики и представляет собой в определенной степени возврат в уже известное и лишь поэтому кажущееся относительно безопасным и благополучным прошлое. «Обеспечение глобальной безопасности» по своей сути – не более чем шаг назад, сама принципиальная возможность которого даже с чисто методологической точки зрения представляется сомнительной.

Отрицаемый настоящей статьей, как и всем развитием человечества последних лет путь принудительной глобализации и насильственной демократизации не является только придуманной кем-то и когда-то «голой идеей». Он осуществляется современным человечеством и в первую очередь современным Западом с такой пугающей последовательностью, разрушительностью и самоотреченностью именно потому, что является равнодействующей интересов наиболее эффективных и влиятельных участников современных глобальных рынков.

Человечество идет по этому пути не потому, что кто-то заставил или обманул и оболгнул его, но потому, что этот путь в

наибольшей степени соответствует текущим потребностям и особенностям его наиболее влиятельных членов.

Поэтому «ремонт» демократии в ее западном понимании, кто бы и как бы ни взялся за его осуществление, в случае своего успеха неизбежно перерастет в коренное, фундаментальное изменение всего сложившегося мирового порядка. Всерьез рассчитывать на то, что это не представимое сегодня и в основном неминуемо хаотичное изменение затронет исключительно несправедливые для нас его элементы, оставив в неприкосновенности все, что мы считаем справедливым и удобным для себя, представляется по меньшей мере наивным.

Данная статья подготовлена на основе готовящейся к печати в издательстве «Яуза» книги М.Г.Деягина «Реванш России». Публикуется на www.intelros.ru по согласованию с автором